

Л.Чарская

Повесть для юношества.

Мотылек

Неоконченная повесть

ГЛАВА I

Птичка выпорхнула из гнезда.

Мама перекрестила дрожащей рукой Шуру, и произнесла, глотая слезы:

-- Ну, с Богом, детка моя! Пиши почаще, нас, стариков, не забывай.

-- Помни одно: не делай ничего такого, что могло бы смутить твой покой... Нет ничего лучше, как иметь чистую совесть и сознавать свою правоту, -- прибавил папа и также благословил и обнял Шуру. Потом, резко отвернувшись и что-то уж очень подозрительно долго сморкался, пристально глядя на паровоз.

Шура Струкова, дочь скромного уездного чиновника, шестнадцатилетняя девушка, со свежим миловидным круглым лицом и ясными, искрящимися карими глазами, через силу улыбалась, сквозь слезы.

Она была похожа на девочку в своем гимназическом коричневом платье, оставшемся еще от прошлого года и теперь надетом ею в дорогу. Толстая длинная русая коса пускалась у неё ниже пояса, оттягивая назад маленькую головку. А непокорные завитки мелких кудрей красиво обрамляли привлекательное личико Шуры.

Только лишь нынешней весной Шура окончила гимназию и теперь ехала в Петроград поступать на педагогические курсы.

Вся семья Струковых, не исключая и старой няни Матвеевны и Шуриного друга детства -- Евгения Николаевича Вяземцева, пришли проводить девушку на вокзал.

-- Ты кошелек-то, кошелек береги, Шуринька, шутка ли сказать -- экую уйму деньжищ отец тебе отвалил, а в пути-то, чуть зазеваешься, ан жулик-то тут как тут; сцапает живым манером да и был таков, -- ворчливо, по своему обыкновению, бубнила старая няня, вынырившая не только Шуру, но и её мать, худенькую, хрупкую, всегда чем-то озабоченную и встревоженную женщину.

-- Няня права, -- проговорил Иван Степанович Струков, -- береги хорошенько деньги, Шура, помни: они даром не даются. Не от избытка, к тому же, поделился я ими с тобою, сама знаешь, а чтобы ты имела возможность доехать до места с удобством и не смотреть в руки дяди...

Щура вспыхнула.

-- Ах, папочка, не беспокойтесь пожалуйста! Все будет хорошо -- вот увидите.

-- Каждое первое число по двадцати пяти рублей получать от меня будешь аккуратно: пятнадцать дяде вноси за стол и комнату, а остальные на книги, учебники, на ремонт гардероба и так далее.

-- Я скоро перестану брать эти деньги, вот увидите, папочка, потому что обязательно уроки постараюсь найти. Вит вам и легче будет, -- улыбаясь, говорила Шура.

-- Ладно уж... Лишнее это, как будто... Лучше учись хорошенько да лекции аккуратно посещай, -- уже несколько раздраженно проронил Иван Степанович и нервно покрутил седенькую бородку.

Неизгладимые следы долгой и упорной житейской борьбы, забот и усидчивой работы лежали на этом несколько суровом лице преждевременно состарившегося человека. И теперь Струкова неотступно преследовала одна и та же мысль: хорошо ли он сделал, что сдался на просьбу остальных членов семьи, а больше всего самой Шуры отпустить дочь, в сущности еще совсем ребенка, в далекую столицу. Правда, там Шура будет жить не одна, а в доме его двоюродного брата, который всегда очень хорошо относился к нему, насколько может хорошо относиться важный петроградский сановник к бедному провинциальному родственнику.

Ведь только благодаря приглашению Сергея Васильевича Мальковского поселиться у них в доме, Иван Степанович и рискнул отпустить свою Шуру в столицу на курсы.

Но, тем не менее, старик тревожился за дочь.

-- Экая досада, право, что ты не можешь ехать вместе с нею, Евгений, -- обратился он к высокому студенту-электротехнику, находившемуся тут же в числе провожавших Шуру и оживленно о чем-то переговаривавшемуся с нею, с её старшей сестрой -- Нютой, служившей машинисткой в Уездном Присутствии, и с их братом, гимназистом Левой, живым темноглазым подростком.

-- Да, досадно... Ведь надо же было, как нарочно, расходиться мамину ревматизму... Пока